

Несколько позже депутат Бефруа (из Эн) резко требовал от Конвента введения такого законодательства, и Конвент, как мы уже говорили раньше, в ЛП главе, сделал попытку в громадных размерах социализировать во всей Франции всю торговлю предметами «первой и второй необходимости» при помощи общественных магазинов и установления для каждого департамента «справедливых» цен на все припасы.

Мы видим, таким образом, назревание во время революции мысли о том, что *торговля есть общественное отправление* и что ее следует *обобществить, так же как землю и промышленность*, - мысль, которую развивали потом Фурье, Роберт Оуэн, Прудон и коммунисты 40-х годов.

Кроме того, следует признать, что Жак Ру, Варле, Доливье, Ланж и тысячи обитателей городов и сел, крестьян и ремесленников лучше понимали с практической точки зрения вопрос о средствах пропитания, чем их представители в Конвенте. Они понимали, что такса на припасы, т. е. закон о максимуме *без социализации земли, промышленности и торговли, не разрешит вопроса*, каким бы арсеналом карательных законов и какими бы казнями революционного трибунала ни старались утвердить таксу. Сама система продажи национальных имуществ, принятая Учредительным собранием, Законодательным собранием и Конвентом, создала тех крупных фермеров, на которых жаловался Доливье, и Конвент прекрасно это почувствовал в 1794 г., когда увидел, как они искусственно поднимали цены на хлеб, чтобы голодом победить ту самую революцию, которой они были обязаны своим обогащением.

Против этого зла Конвент ничего другого не сумел предпринять, как только массовые аресты фермеров и массовую отправку их под гильотину. Но никакие драконовские законы против скупщиков и утайки хлеба (как, например, закон 26 июля 1793 г., предписавший обыскать амбары, погреба и риги фермеров), никакие «революционные армии», рассылавшиеся с целью захвата хлебов; и ареста уличенных в утайке фермеров, не помогли. *Они только сеяли вражду в селах против городов, и особенно против столицы.*

Отсутствие постройительной коммунистической мысли у руководителей революции нельзя было заменить революционным трибуналом и гильотиной.

LX КОНЕЦ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Раньше 31 мая, когда революционеры из монтаньяров видели, как революция задерживается в своем развитии сопротивлением жирондистов, они старались опираться на коммунистов и вообще на тех, кого называли «бешеными». Робеспьер в своем проекте «Декларации прав», внесенном в Конвент 21 апреля 1793 г., где он высказывался за ограничение права собственности, Жанбон Сент-Андре, Колло-д'Эрбуа, Бийо-Варенн и другие приближались тогда к коммунистам; и если Бриссо в своих свирепых нападениях на монтаньяров смешивал их с «анархистами», разрушителями прав собственности, то делал он это потому, что в ту пору монтаньяры действительно еще не старались резко отмежеваться от крайних.

Однако уже после февральских бунтов 1793 г. Конвент принял угрожающее положение по отношению к коммунистам. По докладу Барера, который не задумался представить их агитацию как дело духовенства и эмигрантов, Конвент вотировал с увлечением 18 марта 1793 г. (несмотря на сопротивление Марата) «смертную казнь тем, кто будет предлагать аграрный закон, нарушающий земельную собственность, общинную или личную».

При всем том монтаньярам приходилось еще щадить «бешеных», так как парижский народ был им нужен против жирондистов, а «бешеные» были популярны в более деятельных и революционных секциях. Но как только главные жирондисты были арестованы и сила их партии в Конвенте была надломлена, монтаньяры обратились против тех, кто хотел «революции *в действительности*, раз она совершилась *в идеях*» и раздавили их.

К сожалению, среди образованных людей того времени не нашлось никого, кто мог бы изложить в виде стройного целого нарождающиеся коммунистические стремления и заставить себя слушать. Марат мог бы это сделать, но в июле 1793 г. его уже не было в живых. Эбер был слишком большой сибарит, чтобы отдаться всецело этому делу; он слишком принадлежал к обществу любителей наслаждений Гольбаховской школы, чтобы стать защитником анархического коммунизма, пробивавшегося в народе. Он мог принять в своем журнале язык санкюлотов, как жирондисты приняли их красный шерстяной колпак и разговор на «ты»; но также, как и жирондисты, он стоял слишком далеко от